

Сказка Туве Янссон

" Муми-папа и море "

Глава третья - Западный ветер

Муми-тролль и Малышка Мю лежали животами книзу на солнце и глядели в чащу. Она была низкая и спутанная: крохотные сердитые сосенки и еще меньшие березки, борющиеся с ветром всю свою жизнь. Для защиты они росли очень близко друг к другу. Верхушки деревьев расти перестали, но ветви крепко вцеплялись в землю везде, где только могли до нее дотянуться.

– Кто бы мог подумать, что они могут быть такими свирепыми, – восхищенно сказала Малышка Мю.

Муми-тролль заглянул под темную массу борющихся деревьев, изогнутых и переплетенных, как змеи. Землю устилал ковер из коричневых сосновых иголок и веточек, а над ним зияли темные дыры, похожие на пещеры.

– Смотри! – воскликнул он. – Сосна обхватила ветками маленькую березку, чтобы защитить ее.

– Ты считаешь? – спросила Малышка Мю зловеще. – А я думаю, что она душит ее. Как раз в лесах вроде этого и душат людей. Я не удивлюсь, если узнаю, что кого-нибудь там душат прямо сейчас. Вот так! – Она схватила Муми-тролля за шею и начала сжимать руки.

– Прекрати! – закричал Муми-тролль, освобождаясь. – Ты в самом деле думаешь, что кто-то там...?

– Ты понимаешь меня слишком буквально, – сказала Малышка Мю с презрением.

– А вот и нет, – воскликнул Муми-тролль. – Просто я так и вижу, что там кто-то сидит! Это кажется таким реальным, и я никогда не знаю, говорят со мной серьезно или разыгрывают. Ты серьезно? Там действительно кто-то есть?

Малышка Мю засмеялась и встала.

– Не будь глупым, – сказала она. – Пока. Я пошла на мыс взглянуть на этого старого чудаковатого рыболова. Он меня заинтересовал.

Когда Малышка Мю ушла, Муми-тролль подполз поближе к чаще и с учащенно бьющимся сердцем уставился туда. Он слышал, как волны легко разбиваются о берег, солнце грело ему спину.

"Конечно, там никого нет, – думал Муми-тролль сердито. – Она все выдумала. Она вечно сочиняет истории и заставляет меня верить в них. Когда она в следующий раз сделает это, я скажу, немного свысока и, конечно, небрежно: "Ха! Не будь глупой! Эта чаща не опасна, она просто напугана. Каждое дерево клонится назад, будто хочет вырвать себя из земли с корнями и убежать. Это хорошо заметно"". – И, все еще сердясь, Муми-тролль пополз прямо в чащу.

Солнечный свет исчез, стало холодно. Ветки вцеплялись в уши Муми-тролля, сучки кололи его, сухие щепки трещали под лапами. Пахло погребом и мертвыми растениями. И было тихо, очень тихо, шум моря стих. Муми-троллю послышалось чье-то дыхание, и он в панике почувствовал, что задыхается, запертый и удушаемый деревьями. Ему ужасно хотелось вернуться на солнечный свет – быстрее, быстрее, но он тут же подумал: "Нет, если я сейчас поверну назад, я никогда не решусь снова прийти сюда. Малышка Мю напугала меня, вот и все. Я скажу ей: "Да, кстати, в этой чаще ничего нет. Я смотрел. Ты все наврала!""

Муми-тролль чихнул и пополз дальше, наощупь пробираясь между деревьями. Время от времени раздавался треск и на землю падал ствол – мягкая бархатисто-коричневая масса разлагающейся древесины. Земля, упругая и гладкая, как шелк, была покрыта миллионами мертвых иголок.

По мере того, как Муми-тролль пробирался вперед, неприятное ощущение замкнутости исчезало. Он чувствовал себя защищенным и укрытым прохладной мглой; он стал маленьким зверьком, который прятался от всех и хотел, чтобы его оставили в покое. Вдруг он опять услышал шум моря и ощутил тепло и ослепительное сияние солнца. Он набрел на поляну посреди чащи.

Это была очень маленькая поляна, не больше двух кроватей, сдвинутых вместе. Было тепло, и пчелы жужжали вокруг цветов. Со всех сторон на страже стоял лес. Над головой качались взад-вперед березы – тонкая зеленая крыша, через которую заглядывало солнце. Поляна была совершенна. Муми-тролль нашел идеал. До него здесь никого не было, все это принадлежало ему.

Он осторожно сел на траву и закрыл глаза. Владеть настоящим тайником всегда было одним из его самых заветных желаний. Он всегда искал такие места и находил их во множестве. Но ни одно из них не было таким хорошим. Поляна была одновременно спрятана и открыта. Только птицы могли видеть ее, земля была теплой, и Муми-тролль был защищен со всех сторон. Он вздохнул.

Что-то укусило Муми-тролля за хвост. Ужасно больно. Он подскочил и сразу же понял, в чем дело. Муравьи. Крохотные, мстительные красные муравьи. Целые полчища их населяли траву. Они бегали во все стороны – вот еще один укусил его за хвост. Муми-тролль медленно отступил, его глаза покраснели от разочарования; он был страшно обижен. Естественно, они жили здесь до его появления на сцене. Но живущий на земле не видит того, что наверху; муравей понятия не имеет, как выглядят птицы или облака, и, если уж на то пошло, ничего не знает о вещах, которые важны для Муми-тролля, например.

Существует много видов справедливости. Согласно одному из них, возможно, немного сложному, но абсолютно правильному, поляна принадлежала ему, Муми-троллю, а не муравьям. "Но как мне дать им понять? – размышлял он. – Они могут с таким же успехом жить в другом месте. Чуть в стороне, всего на несколько ярдов. Неужели нельзя объяснить им? В худшем случае, почему бы не провести границу и не разделить поляну?"

Они опять вернулись. Они обнаружили его и бросились в атаку. Муми-тролль бежал. Он уходил из рая с позором, но был полон решимости вернуться. Это место ждало его всю жизнь, может, несколько сотен лет! Оно принадлежало ему, потому что оно больше никому так не нравилось. Если бы миллионы муравьев любили поляну одновременно, его чувство все равно было бы сильнее. Во всяком случае, он верил в это.

* * *

– Папа, – позвал Муми-тролль.

Но Муми-папа не слушал, потому что как раз в этот момент он удачно поддел большой круглый валун, и тот с грохотом покатился вниз по склону. Камень высек две яркие искры и оставил в воздухе слабый, но чарующий запах пороха. Теперь он лежал на дне, как раз там, где нужно. Катать камни – чудесное занятие. Сначала толкаешь камень изо всех сил, потом чувствуешь, как он сдвигается с места – сперва чуть-чуть, потом больше, – потом наконец поддается, катится в море и падает с мощным всплеском, а ты остаешься стоять наверху, дрожа от напряжения и гордости.

– Папа! – закричал Муми-тролль.

Муми-папа обернулся и помахал сыну.

– Он лежит как раз там, где нужно! – крикнул он. – Здесь будет пристань, что-то вроде волнореза.

Он зашел в море и, усиленно пыхтя и сопя, покатыл по дну еще больший камень, опустив нос в воду. Поднимать и катать камни под водой было гораздо легче. Муми-папа размышлял, почему. Но что самое замечательное – это давало чувство невероятной силы...

– Я хочу спросить тебя кое-что! – закричал Муми-тролль. – О красных муравьях! Это важно!

Муми-папа поднял нос из воды и прислушался.

– Красные муравьи! – повторил Муми-тролль. – Может ли кто-то говорить с ними? Как ты думаешь, поймут они, если я напишу им записку? Смогут ли прочитать ее?

– Красные муравьи? – удивленно переспросил Муми-папа. – Конечно, они не умеют читать. Они бы ничего не поняли. Сейчас нужно найти треугольный камень, чтобы положить между этими двумя. Волнорез должен быть крепким, его может построить только тот, кто знает о море все... – И папа зашагал дальше, опустив нос в воду.

Муми-тролль пошел вверх по берегу и остановился, увидев Муми-маму, копающуюся в своем саду. Она раскладывала водоросли. Ее лапы и передник стали коричневыми, и она пребывала в состоянии счастливой сосредоточенности. Муми-тролль подошел к ней и сказал:

– Мама, представь себе, что ты нашла чудесное место и решила там поселиться. А потом выясняется, что там уже живут толпы других людей, которые не хотят переезжать. Имеют ли они право оставаться там, хотя они не понимают, как прекрасно это место?

– Конечно, имеют, – ответила Муми-мама, садясь на водоросли.

– Но если им будет так же хорошо в мусорной куче?! – воскликнул ее сын.

– Что ж, тогда придется убедить их, – сказала Муми-мама. – И возможно, помочь им переехать. Очень трудно переезжать, если долго жил на одном месте.

– Ну и дела! – сказал Муми-тролль. – Где Малышка Мю?

– Она наверху в маяке, мастерит какой-то лифт, – ответила Муми-мама.

* * *

Малышка Мю, храбрая как лев, опасно высовывалась из открытого северного окна. Она забивала гвоздь в деревянный блок на подоконнике. На полу валялась куча какого-то серого барахла, люк был открыт.

– Интересно, что скажет папа? – спросил Муми-тролль. – Туда никому не позволено ходить. Это его личная комната.

– Над его личной комнатой есть чердак, – беспечно сказала Малышка Мю. Отличный маленький чердак, где можно найти все, что угодно. Подай мне гвоздь. Мне надоело взбираться по лестнице каждый раз, когда пора есть, поэтому я строю лифт. Ты сможешь втягивать меня наверх в корзине или спускать мне вниз еду. Что было бы даже лучше.

"Как она себя ведет! – думал Муми-тролль. – Делает все, что хочет, и никто не перечит ей. Она просто делает и все".

Он сказал:

– Кстати, этот лес. Там никого нет. Совсем никого. Возможно, несколько муравьев.

– В самом деле, – отозвалась Малышка Мю. – Охотно верю.

Вот оно как. Она колотила по гвоздю, насвистывая сквозь зубы.

– Тебе придется убрать все это до папиного возвращения, – выкрикнул Муми-тролль в промежутке между ударами. Но почувствовал, что не произвел ни малейшего впечатления. Он стал уныло копаться в куче старых бумаг, жестянок, рыбачьих сетей, шерстяных перчаток, кусочков тюленьей кожи – вот так он и нашел календарь. Большой настенный календарь с чудесным изображением морской лошади, несущейся на волне в лунном свете. Луна погружалась в море, у морской лошади была длинная золотая грива и светлые бездонные глаза. Трудно поверить, что можно рисовать так красиво! Муми-тролль поставил картину на стол и долго разглядывал ее.

– Календарь устарел на пять лет, – заметила Малышка Мю, спрыгивая на пол. – Дни теперь другие, да к тому же кто-то оторвал листок с датами. Подержи-ка веревку, а я схожу вниз и проверю, работает ли лифт.

– Подожди минуту, – сказал Муми-тролль. – Я хочу кое о чем тебя спросить. Что нужно сделать, чтобы заставить красных муравьев переехать?

– Выкопать их, очевидно, – сказала Малышка Мю.

– Нет, нет, – воскликнул Муми-тролль. – Я имею в виду как убедить их уйти прочь.

Малышка Мю посмотрела на него. Немного погодя она сказала:

– А, понимаю. Стало быть, ты нашел в этой чаще место, которое тебе нравится. И там полно муравьев. Что ты мне дашь, если я избавлю тебя от них?

Он ощутил, что его нос краснеет.

– Я сделаю это для тебя, – сказала Малышка Мю спокойно. – Можешь пойти и проверить через пару дней. А ты за это присмотришь за моим лифтом. Я ушла.

Муми-тролль стоял неподвижно, чувствуя себя несчастным. Секрет выплыл наружу. Его укрытие теперь было просто старым известным местом. Он быстро посмотрел на календарь – прямо в глаза морской лошади. "Мы похожи – ты и я, – думал он. – Мы понимаем друг друга. Нас волнуют только красивые вещи. Я получу мою поляну, а остальное неважно. Но как раз сейчас я не хочу думать об этом".

Малышка Мю дернула снизу за веревку.

– Тяни меня! – закричала она. – И не выпусти! Подумай о своих муравьях.

Лифт работал превосходно. Собственно, ничего другого она и не ожидала.

* * *

Усталый, но счастливый, Муми-папа шел домой через вересковое поле. Конечно, в глубине души он знал, что ему опять придется заняться лампой, но до сумерек оставалось еще несколько часов. И ведь он двигал большие камни, просто гигантские, и каждый раз, когда камень скатывался в воду, Муми-мама в саду поворачивала голову и смотрела! Муми-папа решил сходить на западный мыс.

Рыболов проплыл мимо с подветренной стороны, его удочки лежали на носу лодки. Муми-папа никогда не слышал, чтобы рыба ловилась на удочку с леской в это время года. Вот июль – подходящий месяц для этого. Но ведь это не простой рыболов. Возможно, ему нравилось быть в одиночестве. Муми-папа поднял было лапу, чтобы помахать ему, но раздумал. Все равно он не получил бы ответа.

Муми-папа взобрался на скалу и пошел против ветра. Скалы были изогнуты, как спины огромных животных, бок о бок идущих к морю. Муми-папа оказался у озера прежде, чем заметил его. Вода в нем была спокойной и темной, оно само – овальным, похожим на большой глаз. Муми-папа пришел в восхищение. Настоящее озеро, черный водоем, одно из самых таинственных мест, какое только можно найти! Время от времени маленькие волны находили сюда путь из моря. Они перекатывались через перемычку, разбивая ненадолго зеркальную поверхность озера, а потом водоем опять становился спокойным и глядел пустым взглядом в небо.

"Здесь глубоко, – думал Муми-папа. – Здесь должно быть очень глубоко. Мой остров – законченный и самостоятельный мир. В нем есть все, и как раз нужного размера. Как я счастлив! Я держу целый мир в моих лапах!"

Муми-папа заспешил к маяку. Он хотел показать всем остальным черное озеро до того, как они найдут его сами.

* * *

– Как жаль, что это не дождевая вода, – заметила Муми-мама.

– Нет, нет, это работа моря! – сказал Муми-папа, жестикулируя лапами. – Могучие штормы бросали волны на остров и перекатывали камни по дну до тех пор, пока водоем не стал ужасно глубоким.

– Наверное, там водится рыба, – предположила Муми-мама.

– Очень может быть, – согласился Муми-папа. – И если да, то, должно быть, гигантская. Представь себе огромную щуку, которая просидела там сотню лет, становясь все жирнее и злее!

– Это в самом деле было бы нечто! – восхитилась Малышка Мю. – Я как-нибудь заброшу удочку и проверю.

– Рыбалка не для маленьких девочек, – твердо сказал Муми-папа. – Нет, черное озеро – для пап. И не подходи слишком близко к краю! Пойми, это очень опасное место. Я проведу тщательное расследование, но не сию минуту. Надо ведь подумать о пристани. И я должен сделать печь, чтобы коптить угрей и щук весом более четырнадцати фунтов. И расставить сети до того, как пойдет дождь...

– И водосборник на крышу, – добавила Муми-мама. – Через пару дней у нас не останется питьевой воды.

– Не волнуйся, дорогая, – сказал Муми-папа покровительственно. – Будет тебе водосборник. Потерпи, и я все сделаю.

Семейство шло назад к маяку, и Муми-папа все говорил о гигантской щуке. Вереск колыхался на легком ветру, заходящее солнце пропитало остров теплым золотым светом. Но черный водоем тонул в тени между скалами.

* * *

Муми-мама закончила убирать после Малышки Мю, люк был закрыт. Как только Муми-папа вошел, он заметил календарь.

– Это как раз то, что мне нужно, – обрадовался он. – Где ты его нашел? Чтобы поддерживать хоть какой-то порядок на острове, я должен знать дни недели. Сегодня вторник. – Муми-папа взял ручку и нарисовал кружок на полях: это означало "прибытие". Затем он поставил два маленьких крестика возле понедельника и вторника.

– Ты видел когда-нибудь морскую лошадь? – спросил Муми-тролль. – Они такие же красивые, как эта, на картине?

– Возможно, – сказал Муми-папа. – Я не знаю. Говорят, что художники преувеличивают.

Муми-тролль задумчиво кивнул. Как жаль, что на картине не видно, есть ли у маленькой морской лошади серебряные подковы.

Закат позолотил стены, чтобы чуть позже сделать их красными. Муми-папа стоял посередине комнаты в раздумье. Настало время заняться лампой, но если он сейчас поднимется наверх, остальные будут точно знать, что он собирается делать, а когда он вернется, они поймут, что ему не удалось починить лампу. Почему бы им не погулять где-нибудь до темноты и не дать ему возможность спокойно зажечь ее? Иногда кое-что в семейной жизни не нравилось Муми-папе. Его семья не всегда проявляла достаточную чуткость, хотя они так долго прожили вместе.

И Муми-папа поступил, как многие поступают в неловкие моменты: он отошел к окну и повернулся ко всем спиной.

На подоконнике лежал маркер от сетей. Конечно! Он совсем забыл про сети. Это важно, очень важно. Испытывая облегчение, Муми-папа повернулся и сказал:

– Сегодня мы расставим сети. Они должны быть в море до захода солнца. Собственно, это надо делать каждую ночь, пока мы на острове.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Муми-тролль и Муми-папа вышли в море с сетями.

– Мы должны расставить их полукругом у восточного мыса, – объяснил Муми-папа. – Западный мыс принадлежит рыболову. Нехорошо рыбачить прямо у него под носом. Теперь гребки медленней, я наблюдаю за дном.

Дно плавно уходило вниз низкими и широкими песчаными террасами, опускаясь в воду как парадная лестница. Муми-тролль греб к мысу через лес водорослей, который становился все темнее и темнее.

– Стоп! – закричал Муми-папа. – Немного назад. Здесь как раз подходящее дно. Мы расставим сети тут, наискосок к этим скалам. Медленней!

Он забросил поплавок с маленьким белым флажком и опустил сеть в море. Она поплыла медленно и ровно, капли воды сверкали в ячейках. Пробки оставались минуту на поверхности, а потом затонули, как ожерелье из белых бусин. Забрасывание сетей приносило чувство удовлетворения. Это мужская работа, необходимая всей семье.

Когда все три сети были заброшены, Муми-папа плюнул три раза на маркер и бросил его в воду. Мелькнув в воздухе, он исчез под водой. Муми-папа сел у руля лодки.

Стоял тихий вечер. Краски блекли и растворялись в сумерках, но над самой чашей небо было красным. В молчании они вытянули лодку на берег и пошли домой через остров.

Дойдя до осинника, они услышали неясный вой, идущий от воды.

– Вчера я тоже слышал этот звук, – сказал Муми-папа. – Я полагаю, это птица.

Муми-тролль взглянул в море.

– Что-то сидит там, на скале, – сказал он.

– Это бакен, – объяснил Муми-папа и пошел дальше.

"Вчера здесь не было бакена, – подумал Муми-тролль. – Здесь вообще ничего не было". Он стоял и ждал.

Оно двигалось. Очень, очень медленно оно соскользнуло со скалы и пропало. Это не мог быть рыболов. Он низенький и худой. Это что-то другое. Муми-тролль взял себя в руки и направился к дому. Он ничего не скажет, пока не убедится. Во всяком случае, Муми-тролль надеялся, что никогда не узнает, кто сидит там и воет каждый вечер.

* * *

Муми-тролль проснулся среди ночи. Он лежал, прислушиваясь. Кто-то звал его. Но он не был вполне уверен – возможно, ему это только приснилось. Ночь была такой же спокойной, как и вечер, полной голубоватого света, и прибывающая луна всходила над островом.

Муми-тролль как можно тише, чтобы не разбудить Муми-папу и Муми-маму, сполз с кровати, подошел к окну, осторожно открыл его и выглянул. Он услышал слабый звук волн, разбивающихся о берег, и увидел темные скалы, одиноко плывущие в море. Вдали прокричала птица; остров отдышал.

Но нет – на берегу что-то происходило. Оттуда доносился неясный топот и плеск воды – там кто-то был. Муми-тролль пришел в возбуждение. Он знал, что бы это ни было, оно касалось его, только его и никого другого. Он должен сойти вниз и посмотреть своими глазами. Что-то говорило ему – это важно, ему надо увидеть, что творится ночью на берегу. Кто-то звал его, и он не должен бояться.

Уже у двери он вспомнил про лестницу и замешкался. Днем можно было взбежать по ней не задумываясь, но ночью мысль о винтовой лестнице пугала. Муми-тролль вернулся в комнату и взял со стола штормовой фонарь. Спички нашлись на каминной полке.

Дверь закрылась за ним, внизу глубоким колодезем чернела башня. Он не видел ее, но знал, что она здесь. Пламя штормовой лампы замигало, поднимаясь и опускаясь, потом опять загорелось ровно. Муми-тролль поставил лампу на пол и, собрав все свое мужество, посмотрел вниз.

Свет спугнул все тени, и они легкомысленно заплясали вокруг Муми-тролля, кода он поднял лампу. Их было много – фантастические фигуры, мелькающие вверху и внизу в пустоте маяка. Это было прекрасно. Лестница уходила вниз, вниз, вниз, серая и хрупкая, как скелет доисторического животного, и терялась во мраке. Каждый шаг заставлял танцевать тени на стенах. Это было слишком красиво, чтобы помнить о страхе.

Муми-тролль шаг за шагом продвигался вниз, крепко сжимая лампу, и наконец достиг илистого дна маяка. Дверь заскрипела, как обычно, – она была очень тяжелая. Он стоял снаружи на скале в холодном нереальном лунном свете.

"Ну разве жизнь не восхитительна! – размышлял Муми-тролль. – Все меняется внезапно и без всякой причины! Лестница вдруг стала красивой, а о поляне я не хочу больше думать".

Тяжело дыша, он шел по скалам, через вереск, мимо группки осин. Сейчас они были неподвижны и тихи, в воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка. Муми-тролль шел медленно, прислушиваясь. На берегу тоже было тихо.

"Я спугнул их, – подумал Муми-тролль и нагнулся, чтобы потушить лампу. – Тот, кто приходит сюда по ночам, должно быть, очень застенчивый. И сам остров ночью боится".

Когда лампа погасла, Муми-тролль ощутил, что остров сразу приблизился. Неподвижно лежащий в лунном свете, он был совсем рядом. Муми-тролль совсем не боялся, он просто сидел и слушал. Вот оно: звук танцующих шагов на песке за осинником. Они двигались взад-вперед и вниз по берегу к воде, они плескались, и пена летела во все стороны.

Они – морские лошади. Его морские лошади. Теперь он все понял. Серебряную подкову, найденную в песке, календарь с луной, купающейся в волнах, зов, услышанный во сне. Муми-тролль стоял между деревьями и смотрел, как танцуют морские лошади.

Они скакали по берегу, высоко поднимая головы, их длинные хвосты развевались за ними блестящими волнами. Они были неопишимо красивы и, похоже, осознавали это. Они танцевали кокетливо, свободно и открыто – для самих себя, друг для друга, для острова, для моря – казалось, им все равно. Иногда они вдруг вбегали в воду, брызги взлетали над ними, и в лунном свете появлялись радуги. Тогда лошади прыгали через них, глядя вверх и наклоняя головы, чтобы подчеркнуть изгиб шеи и линию спины. Они танцевали, словно перед зеркалом.

Потом они остановились, глядя друг друга, явно думая только друг о друге. Обе они были одеты в серый бархат, очень теплый, мягкий и никогда не промокающий, который, казалось, был разрисован цветами.

Когда Муми-тролль смотрел на них, произошло что-то странное, но вполне естественное. Он вдруг решил, что тоже прекрасен. Он сделался свободным и игривым, и на сердце у него стало легко. Он побежал по берегу, крича:

– Посмотрите на лунный свет! Он такой теплый! Мне кажется, я могу летать!

Морские лошади насторожились и попятнулись. Они промчались мимо Муми-тролля с широко раскрытыми глазами, развевающимися гривами, в страхе стуча копытами по земле. Но он понимал, что они только притворяются и совсем не испугались, и не знал, должен ли аплодировать или попытаться успокоить их. Он опять стал маленьким, толстым и неуклюжим. Когда они пролетели мимо него в море, он закричал:

– Вы так прекрасны! Не покидайте меня! – Брызги взлетели вверх, последняя радуга исчезла, и берег опустел.

Муми-тролль сидел на песке и ждал. Он верил, что они вернуться. Конечно, вернуться, если он будет достаточно терпелив.

Ночь близилась к концу, луна садилась.

"Наверное, им нравится свет на берегу, это может выманить их сюда поиграть", – подумал Муми-тролль. Он зажег штормовой фонарь и поставил его перед собой на песок, напряженно глядя в темную воду. Через некоторое время он поднялся и начал размахивать лампой туда-сюда. Это был сигнал. Муми-тролль пытался думать только об обычных успокаивающих вещах. Он был очень, очень терпелив.

На берегу похолодало: наверное, приближалось утро. Холод полз от моря, и лапы Муми-тролля стали мерзнуть. Он задрожал и взглянул вверх. Прямо перед ним в воде сидела Морра.

Она не двигалась, только ее глаза следили за движениями лампы. Муми-тролль знал, что она бы подошла ближе, но не желал иметь с ней ничего общего. Он хотел уйти подальше от ее холода, неподвижности, уйти от этого ее жуткого одиночества. Но он не мог пошевелиться. Просто был не в состоянии.

Так он стоял, и штормовая лампа раскачивалась все слабее. Шло время, ни один из них не двигался с места. Наконец Муми-тролль очень медленно стал отступать назад. Морра осталась на своем маленьком ледяном острове. Муми-тролль продолжал пятиться назад, вверх по берегу, в осинник, не сводя с нее глаз. Он погасил лампу.

Было темно – луна спряталась за остров. Была ли это тень, движущаяся по воде? Муми-тролль не был уверен. Он пошел обратно к маяку, ему было о чем поразмыслить.

Море теперь было почти спокойно, но листья осин испуганно перешептывались. Муми-тролль уловил сильный запах керосина, идущий из чащи. Но запах, казалось, не принадлежал ни острову, ни ночи.

– Я подумаю об этом завтра, – сказал сам себе Муми-тролль. – У меня сейчас на уме вещи поважнее.